

УДК 159.922

**КОНТЕКСТУАЛЬНО-УРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ
ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ***Н.Р. Салихова***Аннотация**

На основании обобщения уровневых моделей строения ценностно-смысловой сферы личности обосновывается критерий масштаба смыслового контекста при определении качественно специфичных уровней организации жизненного пространства личности, в совокупности образующих его контекстуально-уровневую модель. Центральный уровень модели составляет пространство жизни человека как системная целостность; метасистемный уровень образован пространством со-бытийных общностей, в соотношении с которыми человек определяет смысл жизни; в качестве подсистем разного уровня выступают пространство сфер жизни, пространство деятельности и общения, пространство действия.

Ключевые слова: контекстуально-уровневая модель, жизненное пространство личности, жизненный мир, психологическая ситуация, масштаб смыслового контекста.

Понятие *жизненного мира человека* в психологии подразумевает неразрывное единство внешнего и внутреннего, определяемое *пристрастностью* позиции человека в мире, позволяющей ему отфильтровывать материал объективной реальности, превращая окружающую среду в свой жизненный мир [1]. В современной психологии понятие жизненного мира человека имеет методологический статус и конкретизируется с помощью целого ряда других, более частных понятий, отражающих те или иные формы его существования. На основе их анализа ранее нами были выделены *понятийные оппозиции* внешнего – внутреннего, ситуативности – устойчивости, общего – конкретного, целого – части, а также определены теоретические подходы к описанию жизненного мира – *изнутри* (с точки зрения человека) и *извне* (с точки зрения наблюдателя); в совокупности понятийные оппозиции и позиции описания задают координатные оси теоретического пространства познания жизненного мира [2]. *Контекстуально-уровневая модель жизненного пространства личности*, обоснованию которой посвящена настоящая статья, стала результатом решения задачи градации континуума *ситуативности – устойчивости*, на одном полюсе которого находится жизненный мир в его целостности, а на другом – ситуация, ограниченная рамками места и времени.

Понятие *жизненного пространства личности* конкретизирует категорию «жизненный мир», отражая его деятельностный и феноменологический аспекты [3], которые составляют собственно психологический предмет исследования. Содержание жизненного пространства личности раскрывается посредством

понятий смысла и ценности, отражающих наиболее общие фундаментальные источники и механизмы регуляции взаимодействия человека с миром. Существенной частью теоретических представлений о ценности и смысле являются уровневые модели строения ценностно-смысловой сферы личности. Некоторые критерии выделения уровней в них аналогичны соответствующим понятийным оппозициям описания жизненного мира, в частности критериям обобщенности – конкретности и ситуативности – устойчивости, которые определяются *масштабом контекста* функционирования *ценностно-смысловых образований*. Это дает возможность отталкиваться от этих критериев при определении различных по масштабу смысловых контекстов жизнедеятельности, образующих разные уровни в ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности. Однако прежде всего необходимо рассмотреть два способа выделения уровней, используемые в данных моделях, – генетический и функциональный.

При *функциональном* анализе уровни рассматриваются как относительно автономные структуры, объединенные в зависимости от выполнения ими определенных функций в общую иерархически организованную систему. Между уровнями существуют горизонтальные и вертикальные связи, которые обеспечивают функционирование всей системы в целом. При *генетическом* подходе уровни выделяются в соответствии с последовательностью стадий развития явления в фило- или онтогенезе. Разделение генетического и функционального подходов условно, поскольку новые уровни функциональной организации часто возникают последовательно в ходе генезиса как отдельных психических структур, так и психики человека в целом. Это нашло отражение в законе трансформации этапов развития системы в структурные уровни ее организации, сформулированном Я.А. Пономаревым [4], а также в функционально-генетическом принципе, обоснованном В.Д. Шадриковым [5].

Следует отметить, что не все генетически предшествующие уровни влияют на определение закономерностей функционирования последующих, более сложных уровней. Вопрос о том, как и в какой форме генетически более раннее и, соответственно, более простое присутствует и проявляется в высшем и сложном, не имеет однозначного ответа и составляет на сегодня проблему как с методологической, так и с конкретно-научной точки зрения.

Генетический подход к жизненному миру человека нашел свое отражение в теории психологических систем [1], раскрывающей его становление как последовательное появление новых измерений, в качестве которых выступают *значение, смысл и ценность*, рассматриваемые по аналогии с параметрами порядка в синергетической парадигме. Е.В. Некрасова [6] подробно анализирует возникновение каждого из этих измерений, а также рассматривает деструкцию жизненного мира при суициде. Однако задача исследования механизмов и закономерностей преобразований жизненного мира, происходящих в жизни человека после появления последнего, ценностного измерения, еще не ставилась.

Исследованию жизненного мира в качестве ставшего, в полноте всех его измерений, но при этом динамически изменяющегося и развивающегося на разных этапах жизни взрослого человека релевантна в первую очередь логика *функционального* анализа. В связи с этим, рассматривая существующие в психологии

уровневые модели ценностно-смысловой сферы личности, мы ориентировались на функциональный принцип выделения уровней.

Одна из первых уровней моделей была разработана В.А. Ядовым [7] в рамках социально-психологической концепции диспозиционной регуляции поведения. Диспозиции личности представляют собой единство *потребности* и *ситуации*, в которой эта потребность может быть удовлетворена. Диспозиции закрепляются в личностной структуре, образуя иерархию диспозиций. В.А. Ядов выделяет три уровня диспозиций личности. На низшем уровне находятся *элементарные, фиксированные установки*, возникающие в простейших ситуациях и формирующиеся на основе потребностей физического существования. На среднем – *социальные установки* как результат столкновения предметных потребностей человека с соответствующими социальными ситуациями, задаваемыми его включенностью в контактные группы. Высший уровень образует *система ценностных ориентаций* на цели жизнедеятельности и средства их достижения, включающая жизненные принципы человека и концепцию жизни, основанные на социальных потребностях личности в саморазвитии и самовыражении. Заметим, что в концепции В.А. Ядова уровни определяются в зависимости от расширяющихся масштабов социальных общностей, в которые входит человек: от первичного включения в ближайшее (семейное) окружение, затем в различные контактные группы и, наконец, до целостной социальной системы, что отражает последовательное расширение границ жизнедеятельности человека.

В современных психологических концепциях возник ряд аналогичных уровней представлений. Д.А. Леонтьев [8], развивая представление о *динамической смысловой системе* (ДСС), введенное Л.С. Выготским, рассматривает ее как единицу организации смысловой сферы личности. ДСС может быть двух видов: *деятельностная* (как целостность смысловой регуляции конкретной деятельности) и *личностная* (как единица относительно устойчивой личностной структуры). К личностным отнесены ДСС отдельных сфер жизни, которые представляют собой относительно отграниченные друг от друга подсистемы, обслуживающие ту или иную сферу жизнедеятельности. В качестве наиболее обобщенной, отвечающей за общую направленность жизни субъекта как целого выступает ДСС смысла жизни. Как видим, в предлагаемой градации видов ДСС возможно различение масштабов жизнедеятельностных контекстов, в которых они возникают и выполняют регулятивные функции: *отдельная деятельность, сфера жизни, жизнь в целом*.

В концепции Ф.Е. Василюка [9], который использовал вид *онтологического поля* в качестве критерия при выделении типов критических ситуаций, различаются следующие виды онтологического поля: 1) *витальность*, задаваемая рамками жизнедеятельности организма; 2) *отдельное жизненное отношение*, ограниченное рамками деятельности и реализации мотива; 3) *внутренний мир*, заданный в поле сознания, обеспечивающем его внутреннюю согласованность; 4) *жизнь как целое*, направленная на реализацию жизненного замысла. Если критерий выделения первого вида соответствует генетическому принципу, поскольку входит затем в состав отдельных жизненных отношений, то остальные три вида онтологического поля выделены по функциональному принципу и в их выделении можно обнаружить критерий масштаба регуляторного контекста.

А.С. Шаров [10], называя понятие *о-граниченной значимости* единицей анализа ценностно-смысловой сферы человека, рассматривает формы ее трансформации в *мотив*, *смысл* или *ценность* в зависимости от пространственно-временных характеристик и степени обобщенности по отношению к жизнедеятельности человека, в соответствии с которыми исследователь выделяет три уровня регуляции жизнедеятельности. *Операционный уровень* связан с регуляцией *поступков и поведения* в конкретной ситуации и соотносится с мотивами; *тактический* уровень заключается в постановке целей, планировании собственной *деятельности* в больших промежутках времени с учетом конкретных условий и соотносится с личностью человека, его смысловой сферой; *стратегический* уровень определяется ориентацией на дальнюю временную перспективу и принятые человеком ценности и соотносится с понятием «жизнь».

А.В. Серый [11] в зависимости от степени обобщенности выделяет *ситуативный смысл*, *жизненный смысл* (жизненную необходимость), *смысл жизни* (развитие и стремление), *смысл бытия* (сверхсмысл или космический смысл). Кроме того, он определяет несколько уровней смыслов. Первый уровень – *биологически обусловленные смыслы*, возникающие на базе ощущений и обуславливающие функционирование организма и его реакцию на физические воздействия. Второй, *индивидуальный уровень смыслов*, которые исключительно *ситуативны*, отражает удовлетворение потребностей, помогая индивиду адаптироваться к условиям социальной действительности. Третий уровень *собственно личностных смыслов* опосредует всю жизнедеятельность человека, интегрируя личность в новые условия социальной жизни и выступая в виде *ценностных ориентаций*. Четвертый уровень – *смысложизненные отношения человека* – связан с осознанием себя в качестве субъекта жизни и обеспечивает целостное восприятие своей *жизни как значимости*.

В других предметных областях психологии, например в исследованиях феномена стиля, также разработаны модели, которые по способу функциональной дифференциации уровней, близки вышеназванным. Так, И.П. Шкуратова [12], указывая на разрыв, существующий между когнитивными стилями и стилем жизни, пишет, что он должен быть заполнен стилями деятельности и общения. А.В. Либин [13], выстраивая иерархическую структуру стиля человека, выделяет уровень *модуса жизнедеятельности*, которому соответствует стиль жизни, уровень *видов поведения* – им соответствуют стили общения и деятельности, три остальные уровня отражают специфику *когнитивных процессов*, структурирующих информацию в операционных полях, субъект-объектный баланс и семантические предпочтения.

Все перечисленные уровневые модели указывают на сегментацию жизнедеятельности человека по *критерию масштаба единиц* ее ценностно-смысловой регуляции, который неявно входит в состав различных других, органично связанных с ним критериев. Можно утверждать, что он носит сквозной характер и является универсальным, используемым для выделения уровня диспозиций и стилей, определения вида динамической смысловой системы, онтологического поля критической ситуации и т. д.

Необходимо подчеркнуть, что именно применительно к понятию смысла *критерий масштаба* контекста приобретает особое значение. Как пишет Б.С. Братусь,

«...психологические смысловые системы рождаются в сложных, многогранных соотношениях меньшего к большему, отдельных ситуаций, актов поведения к более широким контекстам жизни» [14, с. 86] (курсив наш. – Н.С.). А. Лэнгле, описывая переход от эмоционального восприятия к ценностному, также опирается на пространственную градацию. Он выделяет две ступени «восприятия ценности». Первая определяется близостью человека к воспринимаемому объекту, при этом схватывается качество объекта – хороший он или плохой, а воспринимаемая ценность соотносится исключительно с настоящей ситуацией и текущим моментом. Вторая ступень восприятия ценности – это интеграция первичной эмоциональности в эмоциональную целостность, которую осуществляет Person. Воспринимаемое спонтанно как «"благо для жизни" теперь помещается на ширину всего жизненного горизонта человека. <...> Переживаемое уходит из непосредственной близости и отодвигается на некоторую дистанцию» [15, с. 14] (курсив наш. – Н.С.).

Значение масштаба в осмыслении действительности зафиксировано и в народных пословицах и поговорках («большое видится на расстоянии», «делать из мухи слона» и пр.), а в искусстве игра масштабами соотношения выступает как один из эффективных и ярких художественных приемов, применяемых для создания новых смыслов.

Проблема содержания контекста смыслообразования, связанного с его масштабом, не является новой в психологии, она поднималась и изучалась в исследованиях мышления [16, 17], в клинической психологии. Роль масштаба контекста подчеркивает А.С. Шаров, говоря о роли границ, задающих ту или иную качественную определенность о-граниченной значимости. Он пишет, что «...человек за счет расширения или сужения границ событий имеет возможность как увеличивать, так и уменьшать их энергетическую составляющую. <...> Циклическая (ритмическая) динамика изменения границ приводит к переоформлению содержания ценностно-смысловых образований, для которых граница является сущностной характеристикой» [10, с. 217].

Масштаб контекста смыслообразования влияет и на механизмы этого процесса. Например, при переходе от изучения частных смыслов к изучению общих, как отмечает Б.С. Братусь, возникают иные условия порождения смысла, включающие в себя работу веры [18]. В основе градации контекстов, в рамках которых происходят соотношения, рождающие смысл, в концепции Б.С. Братуся [19] лежит представление о *смысловой вертикали*, позволяющей дифференцировать качественно разные источники осмысления человеком явлений и событий жизни, а также самого себя. Смысловая вертикаль представляет собой восходящий ряд различных человеческих общностей, от ценностей которых личность отталкивается: от ценностей эгоцентрического уровня к всеобщим человеческим ценностям, а от них – к трансцендентным, выходящим за пределы человеческой жизни, ведущим к постижению духовной реальности.

Однако только в уровневой модели определения ситуации Д. Магнуссона [20] критерий масштаба эксплицирован и становится основным при выделении того или иного уровня. Д. Магнуссон предложил выделять пять уровней определения ситуации. Первый уровень составляют *стимулы* – отдельные объекты или действия, второй – *эпизоды*, понимаемые как особо значимые события,

имеющие причину и следствие. На третьем уровне располагаются собственно *ситуации* как физические, временные и психологические параметры, определяемые внешними условиями, причем при восприятии и интерпретации ситуации придается значение стимулам и эпизодам. На четвертом уровне находится *окружение* – обобщающее понятие, характеризующее типы ситуаций. И, наконец, последний – пятый уровень – образует *среда* как совокупность физических и социальных переменных внешнего мира. Как видим, Д. Магнуссон, основываясь на теоретическом понимании ситуации как совокупности элементов или фрагментов среды, сегментирует по масштабу внешние по отношению к человеку ее объекты, а не то единство внешнего и внутреннего, которое отражено в понятии жизненного мира. Однако предложенный им подход к выделению уровней в соответствии с *критерием масштаба* единиц окружения представляется эвристичным.

Итак, созданные в разных областях психологии модели дают основание для выделения масштаба жизнедеятельностного контекста в качестве самостоятельного, а для смысловой реальности – и сущностного критерия, определяющего не только количественную, но и качественную специфику регуляторных процессов. Действительно, смысл, порождаемый соотношением различных контекстов, напрямую зависит от масштабов и содержания данных контекстов. Расширение масштаба контекста ведет к росту числа соотносимых друг с другом систем и подсистем активности человека, различных по содержанию единиц его жизнедеятельности, что влечет за собой усложнение общей картины. При сужении масштаба контекста человек концентрируется в рамках моносодержаний. Поэтому представляется обоснованным выделить критерий масштаба контекста из состава других, в которые он оказался имплицитно включен, и, придав ему самостоятельное значение, предложить в качестве основного критерия в определении уровней ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности.

Однако перенести в неизменном виде какую-либо из уже имеющихся моделей в этих целях не представляется возможным, поскольку прослеживается четкая зависимость способа выделения уровней от тех задач, которые решал при их создании исследователь, задача же определения уровней-контекстов жизненного пространства личности никем из них не ставилась. В большинство рассмотренных уровней представлений включены генетически ранние ступени смысловых образований, которые в жизненном пространстве взрослого человека входят в состав более сложных поздних их форм и потому неприемлемы в рамках функционального анализа. Кроме того, многие из них деятельностно центрированы, то есть в центре модели находится деятельность, все другие уровни вычленяются в соотношении с центральным уровнем. Поскольку понятие жизненного пространства личности соотносимо не с отдельной деятельностью, а с системой жизнедеятельности в целом, интегрирующей в себе всю совокупность разнообразных видов деятельностей и систем отношений человека, то для определения уровней ценностно-смысловой организации жизненного пространства необходимо сместить центр модели от деятельности к *жизни как целостности*, положив именно ее в основу всей системы в качестве центрального исходного уровня.

Жизнь человека в ее целостности как отдельный уровень выделяется в целом ряде моделей и обычно рассматривается как высший уровень. В соответствие ему ставятся столь же обобщенные и масштабные психологические реалии. В исследованиях смысловой сферы это смысловые образования, существующие в максимально широком контексте: *смысл жизни* как наиболее масштабная и широкая динамическая смысловая система [8]; уровень *смысложизненных отношений* человека, определяемый целостным восприятием своей жизни как значимости [11]; *стратегический* уровень регуляции, определяемый ценностями, задающими общую направленность и временную архитектуру жизни человека [10]. В стилевом направлении это стиль жизни [12, 13].

При определении различных по масштабу смысловых контекстов, релевантных целостным единицам организации жизнедеятельности, во всех существующих моделях авторы, опирающиеся на традицию деятельностного подхода А.Н. Леонтьева [21], кроме уровня жизни в целом выделяют еще и уровень *деятельности*. Этому уровню соответствуют: *мотив*, определяющий деятельность, и динамическая смысловая система данной деятельности, возникающая на основе мотива [8, 16], *тактический уровень* регуляции [10], *стиль деятельности* [12, 13], *отдельное жизненное отношение* [9]. Учитывая разделяемое многими учеными положение о том, что в формах индивидуальной деятельности в снятом виде всегда присутствуют следы совместной деятельности, а любое общение всегда опосредовано деятельностным отношением человека как к миру, так и к *Другому*, в этот уровень наряду с деятельностью необходимо включить и *общение*. В стилевых подходах деятельность и общение признаны категориями, находящимися на одном уровне, кроме того, обе категории рассматриваются Ф.Е. Василюком в качестве однопорядковых составляющих интегральной единицы жизненного мира человека [9]. В вопросе о соотношении категорий общения и деятельности существует много аргументов как в пользу понимания общения как деятельности, так и против такого понимания, однако в контексте данной работы присоединение к той или иной точке зрения является непринципиальным, поэтому мы определяем данный уровень посредством обеих категорий, выделяя уровень *деятельности и общения*.

Между уровнем деятельности и общения, с одной стороны, и уровнем жизни в целом, с другой, возникает большой разрыв, который ряд исследователей заполняет уровнем *сферы жизни*. Сфера жизни по отношению к жизни в целом представляет собой автономно функционирующую подсистему, отделенную от других аналогичных подсистем деятельностей и отношений [8]. Она не может быть определена как отдельная деятельность, поскольку включает в себя разные совокупности связанных друг с другом деятельностей и отношений, состав, масштаб и степень сложности которых могут быть весьма разными. Выделение сфер жизни человека как отдельных подсистем является следствием усложнения жизни общества и высокой степени дифференциации в нем различных систем отношений человека с миром. Если в условиях натурального хозяйства семья являлась одновременно и единицей воспроизводства населения, и производственной единицей, и институтом социализации и все эти составляющие жизни человека находились в едином целостном пространстве его отношений и совместной деятельности, то в современном обществе вследствие усложнения форм

общественной жизни эти составляющие относятся к разным сферам, каждая из которых имеет свои специфические способы организации. Отражением выделения сфер жизни как отдельных ее подсистем является наличие во многих классификациях терминальных ценностей отдельного их вида, который так и обозначается – ценности сфер жизни.

Однако градация «жизнь – сфера жизни – деятельность» представляется неполной. В соответствии с принципами и критериями уровневой дифференциации систем, разработанными А.В. Карповым [22], в структуре сложного целого необходимо выделять как минимум пять интегративных уровней, различающихся в основном качественными измерениями: элементный, компонентный, субсистемный, системный и метасистемный. Применяя эти принципы к анализу управленческой деятельности, А.В. Карпов создал более дифференцированную по сравнению с введенной А.Н. Леонтьевым схему структурно-урвневой организации деятельности, содержащую пять основных макроуровней: метадеятельностный, уровень автономной деятельности, инфрадеятельностный, уровень действий и уровень операций. К разработанной А.Н. Леонтьевым схеме *деятельность – действие – операция* добавлены два новых уровня – *метадеятельностный* и *инфрадеятельностный*, способ дифференциации которых применим и к определению уровней организации жизненного пространства личности.

Метасистемный уровень раскрывается системами более общего плана, в составе которых «то или иное явление (процесс) вообще только и может существовать... как онтологическое образование» [22, с. 99], приобретая в ней свое внутрисистемное бытие. Этот уровень является принципиально открытым, через него целостность взаимодействует с системами более высоких порядков и тем самым развивается, качественно трансформируется. Если исходить из целостности жизни как исходной системы, занимающей центральное место в уровневой модели жизненного пространства личности, встает задача определения содержания *метасистемного* по отношению к жизни человека уровня. Исходя из того, что метасистема является более широкой системой, в которую жизнь отдельного человека включена в качестве ее подсистемы, можно предположить, что такой системой является человечество. Однако в рамках психологического анализа такое определение метасистемы является слишком общим и абстрактным. Кроме того, в рамках психологического анализа организации жизненного пространства личности важна скорее не объективная включенность человека в ту или иную метасистему, а то, как она представлена в его жизни.

Передать бытийную связь жизни человека с теми или иными метасистемами в наибольшей степени позволяет предложенное В.И. Слободчиковым [23] понятие со-бытийной общности. На ранних этапах онтогенеза человека в качестве со-бытийной общности обычно выступает семья, затем выбор общностей зависит от взрослых, которые заботятся о ребенке. Однако начиная с этапа персонализации включение в те или иные социальные общности (например, выбор круга друзей) все в большей степени становится результатом собственного жизненного выбора субъекта. Этот выбор, являясь сознательным, совершается не только и не столько рационально, сколько «по велению сердца» или «зову души» как следование чувству сопричастности определенным общностям в соответствии со своей идентичностью, интенциями ее развития.

Сообщество, выступающее в качестве метасистемы, может быть конкретизировано через различные социальные группы, как самые узкие – семья, коллеги, круг друзей, так и максимально широкие – семейный род, народ, человечество. В качестве метасистемы может выступать не только сообщество современников, но и общности, возникающие в пространстве культуры, науки, истории, и в пределе – универсум. Однако необходимо отметить, что под узкими группами понимаются не просто группы членства, то есть группы, в которые человек входит, выступая в качестве их элемента, и которые оказывают на него то или иное влияние. Этот уровень не сводится и к частным социально-психологическим пространствам, связанным с определенной профессиональной, семейной или иной сферой жизни человека. Не каждая связь человека с со-бытийной общностью выводит ее на метасистемный по отношению к его жизни уровень: на нем находятся только те из них, которые составляют большую по отношению к жизни отдельного человека объемлющую систему, в рамках которой он определяет ее смысл и за развитие и судьбу которой он принимает ответственность.

Определить такую со-бытийную общность можно, ответив на вопрос «Где живет человек?», но не в его географическом смысле. Для пояснения приведем следующий пример. Когда кого-то из близкого круга выдающегося пианиста Святослава Рихтера в трудные для музыкантов нашей страны 90-е годы XX в. спросили, почему он не уезжает из России, то последовал приблизительно такой ответ: «Зачем ему уезжать из России? Он живет в музыке, а не в России». Именно включенность в такую со-бытийную общность имеет в виду В.К. Зарецкий, когда пишет о *деле* всей жизни, которому «человек предан по жизни» и которое «выше, больше него, длиннее, чем его жизнь. У дела есть продолжатели и предшественники. Оно имеет историю» [24, с. 39].

Общности, составляющие метасистемный уровень жизненного пространства личности, развиваются по своим законам и имеют свое предназначение, выступающее в качестве аналога смысла жизни человека. Однако только люди, включенные в них, могут быть носителями этих надличностных смыслов. Человек сознательно выбирает или принимает как данность, что через его жизнь живет та или иная метасистема. Смысл существования и развития объемлющей системы, составляющий смысл жизни человека, включенного в нее, живущий и развивающийся через его жизнь, определяет структуру и уровневую характеристику его жизненного пространства. Можно возразить, что это не метасистемный уровень жизненного пространства, а особый смысл жизни отдельного человека. Это действительно так, поскольку носителем «смысла жизни» метасистемы может быть только смысл жизни отдельного человека. Однако одновременно это и другой, более сложный уровень в организации его собственного жизненного пространства. Поскольку смысл жизни человека является отношением, возникающим в соотношении с метасистемой, то он зависит от ее содержательных и уровневых характеристик.

Метасистемный уровень представляет собой пространство многих подуровней, кроме того, он принципиально открыт «вверх». Его дифференциация может быть осуществлена, например, в соответствии с уровнями смысловой вертикали [19], на вершине которой находится уровень трансцендентных, сверхчеловеческих ценностей.

Кроме метасистемного А.В. Карпов [22] выделил инфрадеятельностный уровень, соответствующий *субсистемному* уровню в организации системы. Включая в себя огромный диапазон качественно различных форм организации деятельности, он располагается между крайними полюсами ее сложности – между деятельностью как сложной системой и действием как ее единицей. Субсистемный уровень носит гетерогенный характер, состоит из множества подсистем разной степени сложности, различного характера организации и фиксирует такие декомпозиции системы деятельности и образующиеся в ней подсистемы, которые, выступая ее составляющими, одновременно являются сложными образованиями со своей особой внутренней структурой. Они не могут быть отнесены к компонентному уровню, то есть к отдельным действиям, так как выступают продуктами интеграции этих компонентов, но «не могут быть и “возвышены” до системного уровня, поскольку... сохраняют свой подчиненный по отношению к ней [деятельности] статус, включены в нее и реализуются как средство ее функционирования» [22, с. 305]. И если деятельности соответствует мотив, а действию – цель, то инфрадеятельностному уровню А.В. Карпов ставит в соответствие *ситуацию*, которая «является непосредственной конкретизацией деятельности в целом на любом интервале ее осуществления» [22, с. 297]. Способы выхода из ситуации не могут быть представлены в виде локального, единичного действия, так как обычно представляют собой соорганизованные совокупности нескольких действий, но и не строятся по типу автономной деятельности, поскольку не имеют своего самостоятельного мотива.

В целом логика выделения инфрадеятельностного уровня крайне интересна и перспективна для функционального анализа жизненного пространства личности, тем более что в соответствии этому уровню ставится ситуация. При определении понятийных оппозиций описания жизненного мира понятие ситуации выступало в качестве конкретизации жизненного мира в определенном пространственно-временном интервале, являясь наименьшей единицей континуума, задаваемого оппозицией ситуативности – устойчивости [2]. Однако понимание ситуации как промежуточного образования между мотивом и целью спорно, поскольку ситуация не является аналогичным им «векторным» образованием, задающим направление активности, а, скорее, определяется совокупностью выделенных субъектом из среды и значимых для него условий ее осуществления.

Кроме этого, необходимо заметить, что понятие действия как единицы деятельности в концепции А.Н. Леонтьева определяется целью как образом требуемого будущего, а вовсе не его простотой или сложностью, много- или односоставностью. Как показали исследования целеобразования в мыслительной деятельности [25], в процессе достижения одной цели у человека может возникнуть много промежуточных целей, которые, в свою очередь, также можно разбить на ряд подцелей. В результате образуются сложные системы разветвленных целевых структур, включающие множество координированных действий, которые также могут быть многосоставными. В разворачивающемся пространстве деятельности, которая сама преобразует и на каждом шагу создает для себя новые условия, действия переходят в операции и наоборот, возникают их сложные композиции, в которых между действиями и операциями не всегда возможно провести четкую грань. Такие сложные композиции действий также представляют

собой непосредственную конкретизацию деятельности на определенном интервале ее осуществления и, по сути, совпадают с предлагаемым А.В. Карповым представлением об инфрадеятельностном уровне.

Поэтому последний уровень жизненного пространства, составляющий его минимальный контекст, на наш взгляд, задается направленным на цель *действием*, вне зависимости от степени его сложности – простоты, одно- или много-составности. Данный уровень может включать как весьма простые действия, так и их сложные композиции. Более того, он является открытым «вниз», а его открытость определяется степенью возможной детализации в сознании как самого действия, так и составляющих его операций и даже входящих в состав операций отдельных движений. Нижний предел определяется степенью дифференциации в сознании человека этих составляющих действия в связи с постановкой тех или иных подцелей, возникающих в ходе его выполнения. Выделение отдельного уровня, соответствующего операциям, мы считаем нерелевантным в психологическом анализе жизненного пространства личности, поскольку операции не имеют самостоятельного статуса и подчинены действию, соответствуя лишь условиям его совершения. Если же относительно них появляются цели (отточить технику выполнения, преобразовать ее, выполнить с определенной степенью тщательности и т. п.), то граница, разделяющая действия и операции, сдвигается вниз, при этом операции, составляющие действие, возвышаются в своем психологическом статусе, становясь действиями. Данному уровню соответствуют все смысловые образования, возникающие в контексте целостного смыслового пространства действия: операциональные смыслы, смысл условий выполнения действия и его отдельных элементов, средств, способов и т. п., а также личностный смысл, понимаемый А.Н. Леонтьевым как отношение цели к мотиву.

Итак, на основе обобщения ряда уровневых моделей и в соответствии с общей пространственной логикой выделения разномасштабных единиц ценностно-смысловой организации жизнедеятельности человека наименьший по масштабу уровень модели мы можем задать только действием, а не ситуацией. Это требует еще раз вернуться к обсуждению понятия ситуации.

В поисках места для очень важного в данном контексте понятия ситуации вспомним, что оно фиксирует процессы, протекающие на каждом из уровней, в определенном временном промежутке, то есть задается срезом жизненного мира, производимым *во временном измерении*. Проведенное же нами выделение уровней-контекстов соответствует сегментации жизненного мира в пространственном измерении. Соответственно, ситуация может быть определена на каждом из уровней: на уровне жизни в целом, на уровне сфер жизни, отдельных деятельностей и соорганизованных между собой действий, что конкретизирует различие понимания ситуации в широком и узком смысле, предложенное Л.Ф. Бурлачуком, Н.Б. Михайловой [26]. Ситуация может определяться и как композиция срезов множества разноуровневых процессов, в этом случае смысловое поле ситуации будет включать в себя смыслы жизненных контекстов как разного уровня, так и ряда одноуровневых, различающихся по своему содержанию. Как пишет В.А. Барабанщиков, ситуация – это «всегда клубок событий разного уровня, разного времени жизни, разного содержательного и смыслового наполнения» [27, с. 277]. Фактически понятие ситуации «безразлично» к уровневым харак-

теристикам, поэтому говорят о жизненных ситуациях, о ситуациях, которые складываются на работе и в семье, а также о ситуациях, возникающих в процессе деятельности или при выполнении действия или операции (например, аварийные). В зависимости от того, на основании какого критерия выделена ситуация, она обычно сопровождается уточняющими ее определениями, часть из которых отражает и ее контекстуально-уровневые характеристики.

В ситуации как в линзе собираются разнообразные ценности, мотивы, цели, составляющие множество смысловых контекстов, и фиксируются многоуровневые композиции жизненного пространства, поскольку ее выделение из потока жизни часто и возникает в связи с необходимостью учитывать и соотносить друг с другом различные смысловые содержания как внутри одного, так и между разными уровнями. Именно поэтому ситуации соответствуют, как пишет А.В. Карпов, подвижные гетерогенные композиции, динамично организующиеся и включающие разнородные и разномасштабные образования, весьма отличающиеся по структуре и содержанию [22]. Соответственно, ей отвечает не только инфрадеятельностный уровень организации деятельности, но и инфражизненный уровень организации жизни и другие подобные ему гетерогенные композиции различных как по содержанию, так и по масштабу единиц активности, образующихся на различных уровнях организации жизнедеятельности.

Ситуация как фиксация потока текущих жизненных процессов возникает вследствие определенных причин, в качестве которых могут выступать отражаемые в сознании несоответствия, противоречия, возникающие в том или ином жизнедеятельностном контексте препятствия и необходимость их преодоления. Другой причиной может быть инициированный самим человеком или произошедший в связи с теми или иными обстоятельствами, например в коммуникации, выход человека в рефлексивную по отношению к какому-либо жизненному процессу позицию для оценки его хода, направления, эффективности.

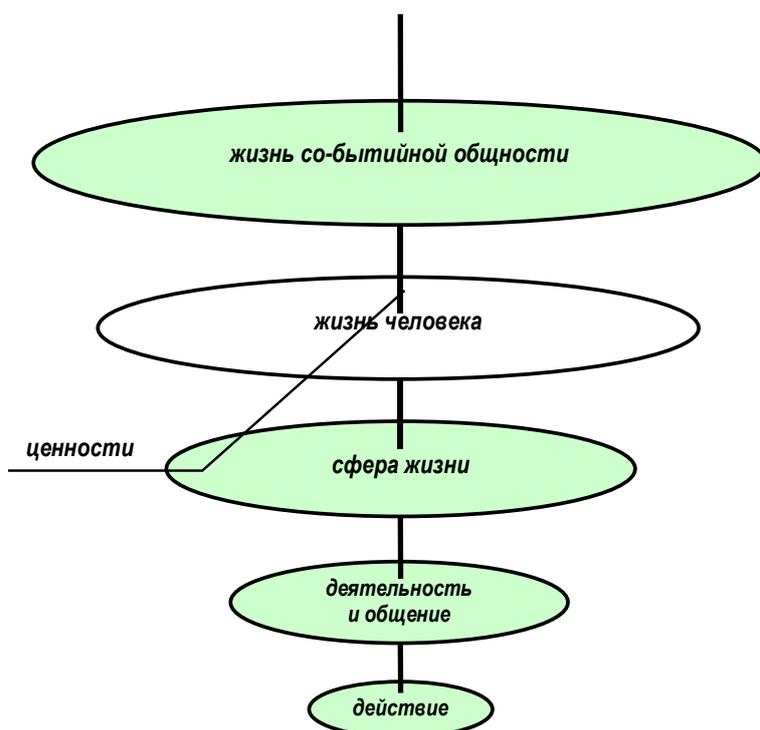
Ситуация является функциональной призмой жизненного мира, формой его репрезентации человеку в определенный фиксированный промежуток времени. Можно сказать, что в ситуации воплощается весь жизненный мир, тем самым «транспонируя» на нее «всю свою исходную сложность» [22, с. 261]. Все уровни жизненного пространства представлены через ситуации, именно в совокупности разных ситуаций жизненный мир обычно дан человеку, «жизнь человека соткана из ситуаций» [27, с. 277]. В.А. Барабанщиков относит ситуацию, так же как и мир, к категории *объекта жизнедеятельности* и ставит проблему описания его в качестве системы. Однако очевидно, что данный объект невозможно исследовать как кантовскую «вещь-в-себе», независимую от субъекта, поскольку в этом случае не будет показана его парадоксальность, заключающаяся в том, что «ситуация (мир) оказывается и сложнейшей системой детерминант активности субъекта, и одновременно результатом этой активности» [27, с. 276]. Снимает противопоставление субъекта и объекта категория деятельности, имманентное содержание которой означает единство субъекта и объекта, отраженное в принципе предметности деятельности. Данный принцип может быть применен и при обращении к более широким метадеятельностным контекстам жизни, образованным системами деятельностей, в том числе и к понятию жизнедеятельности. Именно этот принцип был использован нами при определении разномасштабных

единиц понятия, названного В.А. Барабанщиковым *объектом жизнедеятельности* и представленного в формах его единства с субъектом, в отличие от представления о нем в терминах внешней среды [20], исключающих субъекта. Выделенные в контекстуально-уровневой модели единицы жизнедеятельности и представляют собой разномасштабные формы данного единства, образующие уровни ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности.

Таким образом, можно обозначить следующую структуру контекстуально-уровневой модели жизненного пространства личности (рис. 1, а, б), в качестве центрального исходного уровня которой выступает *жизнь* человека как *целостность* в единстве ее деятельностной и бытийной сторон. Этому уровню соответствует смысл жизни. Выше него находится метасистемный уровень, образованный теми со-бытийными общностями, в соотнесении с которыми определяется смысл жизни человека. Это наиболее крупные планы жизненного пространства как в масштабе всей жизни, так и при соотнесении с контекстами, выходящими за ее рамки. Ниже центрального уровня располагается уровень сфер жизни, которые являются ее подсистемами и представляют единство деятельностей и систем отношений человека, место которых определяется в соотнесении с жизнью как целостностью. Уровню сфер жизни соответствуют личностные ценности. Следующий уровень составляют деятельность и общение, соответствующие мотиву. Нижний уровень образован пространством действия, направленного на цель.

Необходимо подчеркнуть принципиальную открытость системы уровней как вверх, так и вниз. Вверх уровни могут мультиплицироваться в соответствии с увеличением масштаба и возвышением по смысловой вертикали уровня метасистемы: от эгоцентрического уровня и ближайшего окружения до беспредельного. Вниз уровни могут дифференцироваться в зависимости от содержания, образующего и наполняющего последний уровень (пространство действия). Формирование его гетерогенных композиций может происходить как на уровне координации достаточно крупных структурных составляющих деятельности, состоящих из ряда других действий, так и на уровне ее самых детальных элементов, которые могут быть заданы операциональным составом действия, отдельной операцией и даже реализующими ее движениями в случае, если последние стали предметом осознания и целенаправленной регуляции.

Каждый из обозначенных уровней определяет *пространственную развертку* жизненного мира определенного масштаба и, за исключением центрального, состоит из ряда отличающихся по содержанию пространств. Так, уровень сферы жизни включает ряд пространств: профессиональное, семейное, образовательное и пр. Каждая сфера, в свою очередь, включает в себя ряд разнообразных деятельностей и т. д. Система всех уровней образует целостную *многоуровневую ценностно-смысловую организацию жизненного пространства личности*. Структура уровней является подвижной и динамичной, а актуальное жизненное пространство личности может разворачиваться как на одном уровне, так и на нескольких или всех сразу. Межуровневые отношения в данной модели можно представить по аналогии с тем, как они были представлены в модели Н.А. Бернштейна: верхние уровни задают цели (мотивы) для работы нижних [28].

а)

б)

Рис. 1. Контекстуально-уровневая модель жизненного пространства личности

При понимании жизни как жизнедеятельности, которое подчеркивает представление о жизни как о ресурсе, требующем развития системы управления [29], выделенные уровни предстают как разные по масштабу регуляторные контуры. На каждом из них разворачиваются в единстве процессы адаптивной и над-адаптивной природы. При понимании жизни как бытия каждый уровень представляет собой определенную широту его горизонта, который может то расширяться до Универсума, то сжиматься до деталей выполнения конкретной операции или движения в смысловом пространстве действия.

Опираясь на данную модель, индивидуальные различия жизненного пространства личности можно объяснить преобладанием в жизни человека того или иного уровня или даже сворачиванию всей системы жизни к одному из них. Различия могут быть связаны также с характеристиками тех метасистем, которые образуют высший уровень жизненного пространства, с их масштабом и содержанием. Кроме того, у разных людей уровни могут отличаться степенью открытости или закрытости.

Поскольку любая теоретическая модель создается для решения определенных задач, то, соответственно, она работает в ограниченных ими рамках. Обозначим некоторые направления, в которых предложенная контекстуально-уровневая модель может быть продуктивно использована. Среди них нужно отметить как систематизацию уже полученных данных, так и возможность поставить новые вопросы и задачи исследований.

В настоящее время процессы регуляции и организации на уровне деятельности и внутридеятельностных уровнях достаточно хорошо исследованы, остается ряд неизученных вопросов в познании процессов функционирования и развития более масштабных жизненных контекстов и их межуровневых отношений. Перед наукой стоит задача определить, существуют ли общие для всех уровней регуляции и организации закономерности, каковы механизмы саморегуляции и самоорганизации в них человека, в чем заключается специфика функционирования каждого из них.

Контекстуально-уровневая модель дает возможность построить уровневые модели функционирования процессов сознания на уровне *непосредственного переживания, сознания* (осмысления), *рефлексии* [9] в зависимости от того, в каком из жизнедеятельностных контуров они функционируют и на содержание какого контекста направлены. В исследованиях переживания систематизируются разные его виды, от мнемических переживаний до сложнейшей работы по поиску новой смысловой перспективы в трудной жизненной ситуации. При изучении процессов осознания и осмысления появляется возможность задать их градации для исследования эффектов смены масштаба контекста как средства порождения смысла и бессмыслицы. В изучении рефлексии можно дифференцировать как ее *предметно-содержательный ряд* (что и как я делаю), так и *личностный* (какой Я, когда я делаю это и таким способом) ряд по отношению к каждому из уровней с целью исследования специфики и эффективности того или иного *масштаба контекста рефлексивного выхода*.

Summary

N.R. Salikhova. Contextual-Level Model of a Person's Life Space.

By generalizing level models of the structure of a person's value and meaning sphere, the criteria of the meaning context scale was suggested and proved to be the basic criteria for determining fundamentally specific levels of a person's life space, together creating its contextual-level model. The model's central level is made up by the life space of a person as a systemic unity; a metasystemic level is formed by the space of co-existing communities, in relation to which a person defines the meaning of his or her life; the subsystems of different levels are composed by the space of life spheres, the space of communication and activity, and the notional field of action.

Key words: contextual-level model, person's life space, life world, psychological situation, meaning context scale.

Литература

1. *Клочко В.Е.* Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибир. психол. журн. – Томск: Том. гос. ун-т, 1998. – Вып. 8–9. – С. 7–15.
2. *Салихова Н.Р.* Понятийные оппозиции описания жизненного мира человека // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2009. – Т. 151, кн. 5, ч. 1. – С. 211–226.
3. *Кондратова Н.А.* Субъективная репрезентация жизненного пространства личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2009. – 24 с.
4. *Пономарев Я.А.* Психология творчества и педагогика. – М.: Педагогика, 1976. – 280 с.
5. *Шадриков В.Д.* Деятельность и способности. – М.: Логос, 1994. – 320 с.
6. *Некрасова Е.В.* Пространственно-временная организация жизненного мира человека: Дис. ... д-ра психол. наук. – Барнаул, 2005. – 344 с.
7. *Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. – М.: Наука, 1975. – С. 89–105.
8. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 486 с.
9. *Василюк Ф.Е.* Понимающая психотерапия как психотехническая система: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2007. – 47 с.
10. *Шаров А.С.* Система ценностных ориентаций как психологический механизм регуляции жизнедеятельности человека: Дис. ... д-ра психол. наук. – Новосибирск, 2000. – 364 с.
11. *Серый А.В.* Система личностных смыслов: структура, функции, динамика / Науч. ред. М.С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 272 с.
12. *Шкуратова И.П.* Исследование стиля в психологии: оппозиция или консолидация // Стиль человека: психологический анализ / Под ред. А.В. Либина. – М.: Смысл, 1998. – С. 13–33.
13. *Либин А.В.* Единая концепция стиля человека: метафора или реальность? // Стиль человека: психологический анализ / Под ред. А.В. Либина. – М.: Смысл, 1998. – С. 109–124.
14. *Братусь Б.С.* Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.
15. *Лэнгле А.* Введение в экзистенциально-аналитическую теорию эмоций: прикосновение к ценности // Вопр. психологии. – 2004. – № 4. – С. 3–21.
16. *Васильев И.А.* Мотивационно-эмоциональная регуляция мыслительной деятельности: Дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1998. – 321 с.

17. *Хусаинова Н.Р.* Личностная обусловленность типов смыслообразования при решении мыслительной задачи: Дис. ... канд. психол. наук. – М., 1989. – 180 с.
18. *Братусь Б.С.* К проблеме человека в психологии // *Вопр. психологии.* – 1997. – № 5. – С. 3–19.
19. *Братусь Б.С.* Смысловая вертикаль сознания личности // *Вопр. философии.* – 1999. – № 11. – С. 45–54.
20. *Magnusson D.* A psychology of situations // *Towards a psychology of situations. An interactional perspective.* – Hillsdale (N. J.): Erlbaum, 1981. – P. 9–32.
21. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
22. *Карпов А.В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. – М.: Ин-т психологии РАН, 2004. – 424 с.
23. *Слободчиков В.И.* Психологические проблемы становления внутреннего мира человека // *Вопр. психологии.* – 1986. – № 6. – С. 14–23.
24. *Зарецкий В.К.* Творчество. Рефлексия. Самоопределение // *Вторая Всерос. науч.-практ. конф. по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева.* – М.: Смысл, 2004. – С. 32–40.
25. *Тихомиров О.К.* Психология мышления. – М.: Моск. гос. ун-т, 1984. – 272 с.
26. *Бурлачук Л.Ф., Михайлова Н.Б.* К психологической теории ситуации // *Психол. журн.* – 2002. – Т. 23, № 1. – С. 5–17.
27. *Барабаничиков В.А.* Принцип системности и современная психология // *Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич.* – М.: Ин-т психологии РАН, 2007. – С. 268–285.
28. *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. – М.: Медицина, 1966. – 349 с.
29. *Леонтьев Д.А.* Стереометрия жизни // *Человек – наука – гуманизм: К 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова / Отв. ред. А.А. Гусейнов.* – М.: Наука, 2009. – С. 668–676.

Поступила в редакцию
02.06.10

Салихова Наиля Рустамовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: Nailya.Salihova@ksu.ru